

Последнюю сцену фильма «След в тёмной ночи» снимали уже в другом городе.

Это было место, где Ли Паньшань — главный герой картины — вырос и провёл юность. Широкие, идеально чистые улицы, кипящий людской поток и ослепительный блеск мегаполиса — здесь всё говорило о процветании, заставляя забыть о мрачных тайнах захолустного городка, оставшегося далеко в прошлом.

День выдался знойным. Ли Паньшань, изнывая от жары, шёл на встречу с клиентом. Это было простое дело, заказчик не скупился на гонорар, и они быстро пришли к соглашению.

Завершив сделку, герой зашагал прочь; походка его стала легче, а на душе потеплело. Но внезапно среди бесконечной череды витрин его внимание привлекла неприметная лавочка, где торговали чаем с молоком. Взгляд Ли Паньшаня замер на логотипе заведения, и выражение его лица из расслабленного мгновенно стало предельно серьёзным.

Камера дала крупный план: эмблема в виде расходящихся по воде кругов, которые причудливо складывались в очертания трёх переплетённых рук.

— Снято! — выкрикнул режиссёр.

С тех пор как одна кинокомпания сорвала куш на серии хорроров, в современном кино стало модным оставлять финал открытым. Если зрители оценят задумку, можно смело снимать сиквел, а лучше — превратить историю в многолетнюю франшизу. Такие проекты заранее обречены на успех: в них есть и драйв, и ностальгия. Зрители взрослеют вместе с героями, и даже если последующие части выходят слабее, преданная фан-база всё равно обеспечит сборы. Для продюсеров это — золотая жила. Ну а если фильм провалится в прокате, сюжетную ветку просто обрубят. Лишний кадр в финале — небольшая потеря.

Ци Юань снял очки в чёрной оправе, которые не снимал последние несколько месяцев, и протянул их Юй Ли. Помассировав переносицу, он с облегчением выдохнул: наконец-то он свободен от этого аксессуара.

— Поздравляем с окончанием съёмок!

— Ура! С завершением!

Ци Юань обменивался рукопожатиями, обнимался с коллегами и позировал для совместных фото. Цинь Шу стоял поодаль, наблюдая за ним с мягкой, едва заметной улыбкой.

Поймав взгляд художника, Ци Юань извинился перед окружающими и под весёлое улюлюканье толпы направился напрямик к нему. Остановившись в шаге, он демонстративно

оглядел Цинь Шу с головы до ног, заглянул ему за спину и убедился, что руки того подозрительно пусты.

— Цинь-гэ, я закончил съёмки, — произнёс актёр, и в его голосе проскользнула детская обида, которую он и сам не заметил.

— Я знаю.

Ци Юань не ожидал столь спокойной реакции. Он недоуменно моргнул:

— Посмотри вокруг. Группа устроила банкет, Мэн Ши и сестрица Сяоя подготовили цветы... А как же ты, мой парень? Где мой подарок?

Услышав это, все присутствующие навестили уши. Разговоры приумолкли: всем было до безумия интересно, что же ответит художник.

Цинь Шу обвёл взглядом толпу, и забытое чувство неловкости вновь кольнуло его сердце. Под требовательным взглядом Ци Юаня ему ничего не оставалось, кроме как запустить руку в карман. Он выудил оттуда небольшой квадратный предмет. Кто-то в толпе судорожно вздохнул.

— Неужели кольцо?

У Ци Юаня дрогнули кончики ушей, а в глазах вспыхнула надежда. Но это длилось лишь мгновение — он слишком хорошо знал своего партнёра. Даже если Цинь Шу когда-нибудь решится сделать ему предложение, он точно не станет устраивать из этого балаган на глазах у всех.

И всё же разочарование скрыть не удалось. Принимая подарок, актёр выглядел заметно погрузневшим.

Это был сувенир размером со спичечный коробок, покрытый сложным, изысканным узором. Ци Юань повертел его в руках, осмотрел со всех сторон, но так и не понял назначения вещицы.

— И что это? — в замешательстве спросил он.

Заметив любопытные взгляды коллег, Цинь Шу лишь коротко бросил:

— Расскажу, когда будем одни.

Таинственность вмиг разожгла любопытство актёра. Цинь Шу заметил, как изменились цифры над его губами, и прикрыл глаза, пряча довольный блеск.

Ци Юаню не терпелось узнать правду. Схватив Цинь Шу за руку, он потащил его к выходу, на ходу махнув остальным:

— У нас дела, так что мы пойдём!

Ван Сяоя дернула Мэн Ши за рукав, и они молча последовали за боссом.

— Про банкет не забудьте! — донеслось им в спину.

— Помним! — долетел радостный ответ.

Режиссёр У, глядя им вслед, лишь многозначительно вздохнул:

— Кто бы мог подумать...

Что именно он имел в виду, режиссёр не уточнил, но многие на площадке мысленно с ним согласились: «И впрямь».

***

Город, в котором жил герой фильма Ли Панышань, по иронии судьбы оказался тем самым городом, где постоянно обитал сам Ци Юань.

Баокунь был самым процветающим мегаполисом государства Юй, и Ци Юань обожал его. В свободное от съёмок время он успел изучить здесь каждый переулок, каждую столовую. Это место было ему родным.

Оказавшись за пределами съёмочной площадки, Ци Юань повёл художника в центральный парк. Прохожие то и дело узнавали звезду, приветствуя его, на что Ци Юань неизменно отвечал подмигиванием или воздушным поцелуем. В исполнении любого другого это выглядело бы пошло или нелепо, но в его движениях сквозило такое природное изящество, что это казалось лишь проявлением его яркой харизмы.

Цинь Шу с нежностью наблюдал за этим сияющим, полным жизни человеком. За время работы в группе он многому научился у Ци Юаня. Раньше он недолюбливал излишне гибких и общительных людей, но теперь понял: это тоже своего рода искусство выживания, отпечаток, который накладывают на личность годы и пережитый опыт.

В этот час в парке было немногочисленно, в основном старики на прогулке. Ци Юань целеустремлённо зашагал к двухместным качелям в юго-восточном углу. Он усадил Цинь Шу, а затем примостился рядом.

— Раньше я часто думал: как было бы здорово, если бы когда-нибудь нашёлся человек, который разделит со мной эти качели, — с воодушевлением признался он. — И вот, наконец, моё желание сбылось.

Качели слегка качнулись. Длинные ноги обоих мужчин решительно некуда было деть, и долгожданная романтика едва не обернулась конфузом. Заметив разочарование на лице партнёра, Цинь Шу поддразнил его:

— Ну, это всё же лучше, чем быть коротконожками.

Редкая шутка художника мигом развеяла меланхолию Ци Юаня. Он выудил подарок, нетерпеливо кивнув на него:

— Ну же, выкладывай, в чём секрет этой штуковины?

— Внешний корпус — это кодовый замок.

Первая же фраза заставила Ци Юаня замереть. Он снова осмотрел коробочку и теперь, благодаря подсказке, заметил скрытый механизм.

— Какой код?

— 1106.

Ци Юань бросил на него быстрый взгляд. Сердце его запело от радости, но он нарочно сохранил серьёзное выражение лица, принимаясь наставлять своего парня:

— В следующий раз, когда будешь дарить что-то подобное, используй дату своего рождения, понял?

Ох, Цинь Шу понимал это как никто другой. Он лишь случайно обнаружил эту его привычку: когда однажды разбилась его любимая кружка, он взял ту, что подарил ему Ци Юань. Это была термокружка, которая меняла цвет при нагревании, и на внутренней стороне проступил иероглиф «Юань».

Когда Цинь Шу наконец заметил это, Ци Юань заставил его искать «пасхалки» во всех остальных подарках. А учитывая, сколько всего он успел надарить, и то, что иероглиф «Юань» прятался в самых непредсказуемых местах, поиски превратились в настоящий квест.

Например, на рубашке, которая была сейчас на художнике, заветное имя было выгравировано на обороте второй пуговицы.

Цинь Шу порой едва сдерживал вздох, но Ци Юань был в восторге и даже заказал для этих целей специальный портативный лазерный гравёр.

Художник не до конца понимал эту одержимость — желание повсюду заявить свои права собственности. В конце концов, если бы он сам не позволял ему этого, никакие надписи на теле не помогли бы. Но раз Ци Юаню нравились такие детские нежности, он был готов пойти ему навстречу.

Выбирая код, Цинь Шу поначалу хотел поставить дату своего рождения. Но это показалось ему странно нескромным, и в итоге он выбрал дату Ци Юаня. Он знал: зная характер актёра, тот всё равно потом сменит код на его дату.

Ци Юань осторожно провернул диски замка. Когда последняя цифра встала на место, он почувствовал легкую вибрацию — механизм сработал.

Коробочка, казавшаяся монолитной, раскрылась, словно бутон, распавшись на шесть лепестков. Увидев содержимое, Ци Юань широко раскрыл глаза.

— Как тебе вообще пришло это в голову? — воскликнул он, глядя на Цинь Шу с восторгом.

Художник нежно коснулся кончиками пальцев его покрасневшей щеки. Ци Юань прильнул к ладони, и Цинь Шу принялся ласково ерошить его волосы.

Актёр наслаждался лаской, но всё же притворно возмутился:

— Эй, ты же мне всю причёску испортишь!

— Не испорчу, — напомнил ему Цинь Шу. — Это сейчас на тебе «хипстерский беспорядок» Ли Паньшаня.

Услышав это, Ци Юань лишь подставил голову под его ладонь, зажмурившись от удовольствия. В этот миг он напоминал ленивого кота, нежащегося на солнце.

— Ну скажи же, как ты додумался? — настаивал он, хотя в глубине души уже знал ответ.

— Разве ты сам этого не хотел?

Не дождавшись пламенного признания в любви, Ци Юань обиженно надулся. Цинь Шу был идеален во всём, кроме одного — он совершенно не умел быть романтиком. Но не успел актёр додумать эту мысль, как художник продолжил:

— Твои желания для меня закон. Я всегда буду их исполнять.

Сердце Ци Юаня пропустило удар. Оглядевшись и убедившись, что рядом никого нет, он быстро подался вперед и поцеловал Цинь Шу в щеку.

Поцелуй был легким, как касание крыла бабочки, но у обоих кончики ушей предательски покраснели. Поймав отражение собственного смущения в глазах партнера, они синхронно отвели взгляды.

Сердце Ци Юаня колотилось так громко, что ему казалось — Цинь Шу всё слышит. Его парень ведь был наделён на редкость острым слухом.

Не решаясь больше смотреть на художника, Ци Юань уткнулся в подарок. Цинь Шу подарил ему вещь из далёкого прошлого — детский проекционный фотоаппарат.

Такие игрушки были популярны в детстве Ци Юаня: небольшое устройство с видискателем, внутри которого при каждом нажатии кнопки сменялся кадр. Настоящее волшебство. Однажды, когда они вместе смотрели старое кино, Ци Юань вскользь обронил, что в детстве до безумия хотел такой, но сейчас их, верно, уже нигде не сыщешь. Он и подумать не мог, что Цинь Шу запомнит это.

Разумеется, это была не простая игрушка. Цинь Шу лишь сохранил узнаваемую форму, полностью переделав начинку.

Стоило пальцам Ци Юаня коснуться корпуса, как устройство ожило. Актёр удивлённо приподнял бровь: надо же, такая кроха, а включается от теплового сенсора.

Но сюрпризы только начинались. Экран внутри загорелся яркими, сочными цветами, и когда Ци Юань разглядел первую надпись, он на мгновение забыл, как дышать.

Изящным каллиграфическим почерком там было выведено: «Долголетия тебе».

Пожелание было простым и искренним, но вовсе не тем, что он ожидал увидеть. Он посмотрел на Цинь Шу, пытаясь понять его мысли, и встретил лишь нежный, полный тепла взгляд.

В глазах Ци Юаня задрожала влага. Внезапно он понял, что именно это пожелание — самое ценное.

— Хочешь, чтобы я дожил до ста лет? — прошептал он смущённо. — Что ж, я согласен. Но только если ты будешь рядом.

— Буду, — просто ответил Цинь Шу, и в этом не было ни тени сомнения.

От любого другого эти слова прозвучали бы как дежурная фраза, но только не от Цинь Шу. Ци Юаня словно накрыло мощной волной нежности; он всем телом ощутил трепет от этого короткого обещания.

Цинь Шу, не ожидавший такой бурной реакции, немного растерялся и поспешил сменить тему:

— Я сделал его сам. Посмотри дальше, надеюсь, тебе понравится.

Внимание Ци Юаня тут же переключилось на устройство. То, что он держал в руках, было уже не просто сувениром, а настоящим произведением искусства.

— Ты сам это сделал? — переспросил он. — Не заказывал?

Увидев подтверждающий кивок, Ци Юань лишь ахнул. Сколько ещё талантов скрывает его парень?

Он принялся изучать содержимое. Экран на электронных чернилах обладал невероятным разрешением и мгновенным откликом. На свету изображения казались нарисованными цветными карандашами. Ци Юань нажимал на кнопку, и кадры сменялись один за другим. На каждом был он сам.

Ци Юань в тёмном переулке. Ци Юань, привалившийся к стене с сигаретой. Ци Юань, безмятежно спящий в лучах утреннего солнца... Разный, в разные моменты жизни, но неизменно — увиденный глазами Цинь Шу.

Художник запечатлел все эти мгновения, а затем вложил их в этот удивительный подарок. По сравнению с такой искренностью Ци Юань почувствовал, что всё, на что способен он сам — это просто скупать дорогие вещи.

Его охватило щемящее чувство вины, но вот слайд сменился в последний раз. Увидев финальный кадр, на котором они вдвоём стояли в объятиях под лунным небом, Ци Юань не выдержал — на ресницах заблестели слёзы.

Оказывается, там был не только он. Там были «они». В этом маленьком устройстве хранились их общие воспоминания.

— Цинь Шу... ну почему ты такой замечательный? — Ци Юань уткнулся ему в грудь, и голос его слегка дрогнул.

Поглаживая его по спине, Цинь Шу тихо ответил:

— Потому что ты этого достоин.

Ци Юань крепче сжал край его рубашки. Нет, он вовсе не так хорош, до Цинь Шу ему далеко. Но раз судьба подарила ему такого человека, он его ни за что не отпустит.

Забыв о том, что они находятся в общественном месте, Ци Юань прильнул к нему, не желая отпустить. В нескольких десятках метров от них Ван Сяося молча отвела взгляд. Посмотрев на увлечённого игрой ассистента, она с досадой вздохнула:

— Камень, ну хватит уже в телефон пялиться. Посмотри туда и поучись, как надо.

Мэн Ши, которому после первой пары минут наблюдения за воркующим кузеном всё это изрядно наскучило, невозмутимо парировал:

— А ты чего не учишься?

Ван Сяося приняла многозначительный вид:

— У меня сейчас передозировка сахара, надо сначала это переварить.

Впрочем, учиться никогда не поздно. Ван Сяося считала себя опытным теоретиком в делах сердечных, и её единственным огорчением было отсутствие объекта для практики. «Но уж когда он появится, — думала она, — берегись!»

Мэн Ши внимательно посмотрел на её лицо и вдруг выдал:

— Сестрица Сяося, ты сейчас вылитая Чжуан Минчжу.

Чжуан Минчжу была той самой злобной интриганкой из популярного сериала на «Панцзюй». Сяося тут же посерьёзнела и отвесила здоровяку звонкий подзатыльник.

— Если не умеешь говорить красиво — молчи. А то так и останешься бобылем.

Мэн Ши замолчал, но про себя подумал: «Я ещё молодой, мне спешить некуда. А вот сестрица Сяося с таким характером точно замуж не выйдет».

Ван Сяося, не подозревая, что её только что коллективно пожалели, решила продолжить «обучение», но в этот момент заметила жест босса — он указывал ей на телефон.

Похоже, отдых закончился, пора приниматься за работу.